

В.А. Конев

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД ОДНИМ ИЗ ТЕЗИСОВ С.Н. БУЛГАКОВА, ИНИЦИИРОВАННОЕ ИДЕЕЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

Конев Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Российская Федерация, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; e-mail: vakonev37@mail.ru

Опираясь на концепцию академика РАН А.В. Смирнова о различении субстанциальной и процессуальной логики, автор оценивает позицию С.Н. Булгакова, высказанную им в работе «Трагедия философии». В статье показано, что суждение «Я есть А», которое Булгаков считает первоосновой мысли и основанием определения Я как ипостаси, не может быть формой определения Я как индивидуальности. Индивидуальность не определяется в рамках субстанциальной логики («Я есть А»), а определяется себя в рамках процессуальной логики («Я утверждаю А»). Автор рассматривает три формы утверждения Я: утверждение по типу перформативности, утверждение по типу отрицания и утверждение по типу продуктивного действия. Вывод: бытие Я, которое требует активного действия самого Я, является онтологическим основанием существования (определения основания) процессуальной логики.

Ключевые слова: субстанциальная и процессуальная логики, способы определения Я, перформативный акт, Дантовы координаты, продуктивный акт, С.Н. Булгаков, А.В. Смирнов

Для цитирования: Конев В.А. Размышление над одним из тезисов С.Н. Булгакова, инициированное идеей процессуальной логики // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 69–77.

Введенное академиком РАН А.В. Смирновым различение субстанциональной логики (С-логики) и процессуальной логики (П-логики)¹ позволяет по-новому прочесть некоторые тексты классиков философии. Вот, например, трактат «Трагедия философии» классика русской философии С.Н. Булгакова. В «Трагедии философии», написанной в 1920 г., С.Н. Булгаков делает предмет своего анализа логические основания развития новоевропейской философии. Формула «Я есть Нечто», которая, по мысли философа, выражает

¹ См.: Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания. Приглашение к размышлению. 2-е изд. М., 2021; Он же. Событие и вещи. М., 2017; Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика. М., 2019.

суть суждения, содержит в себе в сокращенном виде не только схему сущего, но и схему истории философии, в которой различаются «философские системы с их основными началами: 1) ипостась или личность; 2) идея ее или идеальный образ, логос, смысл; 3) субстанциальное бытие как единство всех моментов или положений бытия, как реализующееся все»². С.Н. Булгаков считает, что судьба всякой философской системы трагична, так она стремится к монизму, объявляя единственным началом, из которого все выводится и к которому все сводится, либо субъекта, либо связку, либо предикат суждения.

Для С.Н. Булгакова логика, основанная на утверждении «S есть P», т.е. логика субстанциальная, как ее называет А.В. Смирнов, естественна, интуитивно очевидна, более того, она для него как религиозного философа укоренена в тайне бытия, так как в суждении/предложении, соединяющем Я со сказуемым, «сокрыт образ троичности»³.

Я оставляю в стороне это достаточно любопытное утверждение русского религиозного философа, меня в этой его интересной и глубокой работе будет интересовать только один тезис.

А именно: «В основе самосознания, так же как и всякого акта мысли, его запечатлевающего, лежит тройственность моментов, триединство, которое имеет выражение в простом суждения: Я есмь А»⁴. И дальше, разбирая и анализируя природу суждения «Я есмь А», которое он называет «первоисточником мысли»⁵, философ пишет: «С одной стороны, для того, чтобы быть сказуемым, принадлежать к Я, само сказуемое должно быть в известном смысле Я, обладать яйностью; но вместе с тем оно должно и отличаться от него, быть другим в отношении к Я, т.е. быть не-Я. Сказуемость основана на нарушении обоих основных логических законов: и тождества, и противоречия. Ибо она свидетельствует, что Я есть не-Я и вместе с тем Я, зараз и одновременно. Если бы Я просто только повторялось, отбрасывая лишь рефлекторные блики своими сказуемыми: Я есть Я, есть Я, есть Я..., – это был бы бег белки в колесе, неутолимая жажда сказуемого, но не самое сказуемое, непрестанное алкание какого-либо содержания и определения. Отделенное от всякого бытия, лишённое сказуемости, Я металось бы в страшной муке о бытии, в бессилии абсолютных потугов»⁶.

Приведенный фрагмент очень показателен. С одной стороны, он свидетельствует о том, что для Булгакова форма мысли «Я есмь А» является абсолютной формой. Более того, он утверждает, что «гносеологически (и антропологически) исходным и типическим является, несомненно, Я есмь А»⁷, а не «А есть В». Он называет эту форму «ячейкой мысли»⁸, а связку ЕСТЬ главным орудием мысли в ее операциях⁹. Конечно, в этой формуле изначально заложено противоречие, так как это ЕСТЬ «совершенно непостижимо логически, ибо оно соединяет в качестве равного и тождественного различное и инаковое»¹⁰. И это нарушение закона тождества и закона противоречия

² Булгаков С.Н. Трагедия философии // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 317.

³ Там же. С. 318.

⁴ Там же. С. 317.

⁵ Там же. С. 324.

⁶ Там же. С. 395.

⁷ Там же. С. 324.

⁸ Там же. С. 323.

⁹ Там же. С. 324.

¹⁰ Там же.

становится особенно явным в формуле «Я есмь А», когда Я отождествляется с не-Я. Почему?

И здесь высвечивается другая сторона мысли, выраженной С.Н. Булгаковым в приведенном фрагменте. Я – это лицо, ипостась. А «ипостасное Я неопределимо по самому своему существу. Будучи Я, ипостасью, каждый знает, о чем идет речь, хотя это и неизреченно (а только изрекаемо)»¹¹. Я как ипостась не требует определения, ибо каждый знает, *что* он есть и что он *есть*. Но если Я потребует определения, то оно может, согласно Булгакову, быть определено только по формуле «Я есмь А». «Чистая ипостасность не сможет сделаться предметом мысли без определения по бытию, – пишет философ, – т.е. без сказуемого и вне контекста бытия... Связка *быть, которую соединяется ипостась, подлежащее, со сказуемым, настолько прочна, что никакие силы неба, земли и преисподней не в состоянии ее разорвать* (курсив мой.– В.К.)»¹².

Булгаков не может представить, что возможна иная логика, логика процессуальная, хотя сам же указывает, что Я «в себе самом, в своих собственных недрах, в своей природе *должно породить свое собственное откровение* (курсив мой.– В.К.), которое было бы уже иным относительно Я, и в этом смысле не-Я, но вместе с тем являлось бы откровением Я»¹³.

Определение Я – а это значимый экзистенциальный момент бытия Я как лица, индивида как личности – требует иной логики, не логики, основанной на «S есть P». Это должна быть логика действия, которая, как считает А.В. Смирнов, может получить свою презентацию и в логике мысли. Я определяется не по форме «Я есмь А», а по форме «Я утверждаю А».

Можно выделить, по крайней мере, три типа утверждения Я:

- Утверждение по типу перформативного действия;
- Утверждение по типу продуктивного (творческого) действия;
- Утверждение по типу отрицания.

(1) Утверждение по типу перформативного действия

Еще в 50-е годы прошлого столетия Джон Остин выдел особую группу речевых актов типа «Обещаю!», «Клянусь!», которые он назвал перформативными актами, так как в этом случае производство высказывания является одновременно и осуществлением обозначаемого действия. Дж. Остин показывает, что перформативные высказывания, в отличие от констатирующих утверждений, не могут квалифицироваться как истинные или ложные, так как независимо от того, выполнено или нет обещание, о котором было сказано «Обещаю», само высказывание остается тем, чем оно является – актом обещания. Но у перформативного высказывания есть и другая функция – данное высказывание характеризует то Я, которое оглашает перформативное высказывание. Исполнится или нет обещание, клятва или данное согласие на брак – это всё равно характеризует Я либо как сдержавшего слово, либо как нарушившего его. Само выражение «Клянусь!» не является *действием* клятвы, это действие совершает человек, который определенным голосом модулирует произносимое слово, который кладет руку на Библию

¹¹ Там же. С. 319.

¹² Там же. С. 325.

¹³ Там же. С. 324.

или Конституцию, прикладывает руку к сердцу и т.п. Поэтому перформативный речевой акт становится актом объявления Я – определением лица.

Именно эту особенность перформативности использует Джудит Батлер, чтобы создать перформативную теорию гендера и собраний¹⁴, заменяя речевое поведение телесными действиями. Гендерная идентичность, согласно Батлер, как и идентичность вообще, не является данностью, не определена онтологически (*S* есть *P*), а возникает в результате определенных действий в культуре (*S* демонстрирует/утверждает *P*). Идея перформативности становится актуальной в культуре последней трети XX века благодаря возникновению особого художественного жанра перформанса. В культуре совершился, по выражению немецкой исследовательницы театра Эрики Фишер-Лихте¹⁵, перформативный переворот. И он происходит не только в мире искусства, но в обществе и культуре в целом, когда делается ставка на то, чтобы заявить о себе своим говорящим («автореферентным») видом, своим действием, своим продуктом. Художественный жанр перформанса становится в культуре средством выработки особого языка перформативного представления себя.

Идеальный перформативный акт представления Я, в котором неразрывно слиты речевой акт и демонстрация в нем себя, дан в Ветхом Завете, в акте представления Богом самого себя Моисею. Когда Моисей говорит Богу, обещающему избавить народ Израильский от рабства египетского, а как он, Моисей, ответит сынам Израилевым, кто послал его к ним, как имя Его. «Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий» (Исх. 3:14). В оригинале на библейском иврите это звучит как *‘ehyeh aser ‘ehyeh*, что буквально значит «Есмь, который Есмь»¹⁶. Этот перформативный акт становится остенсивным определением Я. Может быть, поэтому ЭТО имя Бога нельзя произносить, так как тогда произносящий его тем самым объявляет себя Богом. Но, с другой стороны, всякий перформативный акт несет в себе момент демонстрации своего личного бытия – *я есмь!* И это ставит его в позицию Бога. Проявляется некое трансцендентальное «я есмь», сопровождающее любое действие человека – *трансцендентальное единство экзистенции*. Именно об этом говорил Майстер Экхарт: «Однажды мне подумалось <...> вот что: что я есмь человек, ничем не отличающийся от любого другого человека, такого же, как я; я глазею, слышу, пью, жую подобно скоту; однако, что я есмь не принадлежит никому, как только мне самому, ни человеку, ни ангелу, ни Богу, – разве только я одно с ним»¹⁷. И это «я есмь» универсально при всей своей уникальности.

(2) Утверждение по типу продуктивного (творческого) действия

Все виды действия человека сводятся к двум типам – продуктивные действия и репродуктивные действия. В «чистом» виде эти два образа действия представлены в первой книге Ветхого Завета. Это действие Бога и действие Евы.

Вот действие Бога: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (Быт. 1:3–5).

А вот действие Евы: «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла

¹⁴ Батлер Дж. Заметки о перформативной теории собраний. М., 2017.

¹⁵ Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности. М., 2015.

¹⁶ Eliade M. Historia wierzeń i idei religijnych. T. I: Ot epoki kamiennej do misteriów eleuzyńskich. Warszawa, 1988. S. 127.

¹⁷ Цит. по: Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.

плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги...» (Быт. 3:6–7).

Обратим внимание на структуру этих действий. Бог: Акт – Результат – Оценка/Именованье. Ева: Оценка – Акт – Результат. Различие этих действий в том, какое место занимает в их структуре ценность/оценка. В действии Бога (Модель 1) ценность завершает действие. В действии Евы (Модель 2) ценность открывает действие. В первом случае, если результат получает положительную оценку, он становится фактом реальности (Модель 1 не исключает возможности отрицательной оценки результата, что ведет к исключению результата из реальности). Во втором случае (Модель 2) результат не может быть никак изменен или переделан, хотя он и появляется благодаря действию, но не определяется им.

Модели 1 и 2 по-разному характеризуют действующего субъекта, по-разному определяют Я действующего. Согласно Модели 1 «S утверждает/порождает P». Здесь утверждается бытие P, а не бытие S, поэтому форма «S есть P» как «Я есть P» не может выражать отношение между субъектом и предикатом *суждения утверждения/порождения*. S утверждения не бытийствует благодаря P, S *открывает* свое бытие, порождая P («передает» свое бытие P, а не «принимает» его от P). Что это за бытие? А это и есть бытие Я, Я как ипостаси, в том смысле понятия ипостась, когда она понимается как единичность в своей собственной сущности. В этом случае «Я как ипостась замкнуто и недоступно...»¹⁸, так как любые предикаты, которые будут ей приписаны, разрушат ее единичность. И определить себя Я может, только объявив себя через творение своего мира, поэтому в действии по Модели 1 происходит явление Я, откровение неповторимого – эпифания лица¹⁹.

Как это явление лица обретает свое бытие? Здесь важно вспомнить принципы феноменологии Гуссерля. Феномен с точки зрения феноменологии – не явление чего-то, какой-то сущности, а особое состояние некоего поля (у Гуссерля, поля сознания), которое своими силами конструирует значимую для себя конфигурацию. Явление лица не означает, что есть некое Я, не явленное (скрытая сущность), и вот оно являет себя. Результат продуктивного действия, входя в мир, меняет его конфигурацию. Теперь эта новая конфигурация мира и становится явлением Я, его определением. Это не значит, что «Я есть P (новая конфигурация)», как считает С.Н. Булгаков²⁰. Наоборот, скорее «P есть Я», хотя это кажется невозможным, так как первая сущность, о которой говорил Аристотель, не может сказываться о чем-то,

¹⁸ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 324.

¹⁹ Эпифания (от греч. ἐπιφάνισμα «являться», «показываться») – чувственное (видимое, слышимое) проявление некой силы. В религиозной традиции – Богоявление. Дж. Джойс в своем раннем романе «Герой Стивен» устами своего героя определял эпифанию как «моментальное духовное проявление, возможно, в резкой вульгарности речи или жеста, возможно, в ярко отпечатлевшемся движении самого ума» (см.: *Джойс Дж. Герой Стивен*. Роман. URL: <http://www.james-joyce.ru/works/stephen-hero-text.htm#menu5> (дата обращения: 24.02.2022). Э. Левинас говорит об эпифании лица (l'ἐπιφάνια du visage) как откровении (*Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное*. М.; СПб., 2000. С. 88, 100, 110).

²⁰ «Я как ипостась замкнуто и недоступно, оно в себе самом, в своих собственных недрах, в своей природе должно породить свое собственное откровение, которое было бы уже иным относительно Я, и в этом смысле не-Я, но вместе с тем являлось бы откровением Я. Об этом-то и свидетельствует и возвещает связка есть (столь привычный и безобидный в грамматике и столь таинственный и значительный в философии “вспомогательный глагол”») (Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 324).

не может стоять в месте предиката суждения. Но мир, порожденный продуктивным действием, говорит/показывает/отсылает к своему создателю («Р отсылает к Я»). Так и свершается эпифания лица: что-то в этой конфигурации, произведенной действием, становится значимым именем Я.

Отличительной чертой действия по Модели 1 является начало действия. Обратим внимание, Бог провозглашает: «Да будет свет!». Но света еще нет, нет его характеристик, нет отделения света от тьмы. Откуда тогда это «Да будет свет»? Свет без предикатов! Свет как творимое еще не имеет бытия, не привязан к связке «есть». Но оно (творимое) должно иметь действительность, иначе нельзя желать – Да будет... Действительность в этом случае – действие, воля действующего, направленная на... На что? На «начало». «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1:1), где «в начале» – существительное с предлогом, а не наречие «вначале». Начало – это состояние/обстояние дела, которое объективировано в ресурсах для данного действия. Распознавание и выделение этих ресурсов в еще нерасчлененном обстоянии дел и есть *начало* продуктивного действия.

Действие по Модели 2 такого начала не имеет. Здесь уже ясно состояние дел: вот дерево, вот его плоды, дающие вожделенное знание. Поэтому действующее Я формируется тем состоянием дел, которое Я принимает до его собственного действия. В этом случае Я определяется по формуле «Я есмь А».

Конечно, реальные действия человека могут сочетать в себе в разных пропорциях чистые модели продуктивного и репродуктивного деяния.

(3) Утверждение по типу отрицания

Питирим Сорокин, анализируя положение индивида в социальном пространстве, говорит, что его место определяется системой «социальных координат», которые задаются совокупностью социальных групп и положений внутри каждой из них²¹. Такая система социальных координат П. Сорокина подобна Декартовым координатам, которые представляют формальную схему определения любого явления через отнесение его к заданным значениям координат. Пространство Декартовых координат – это пространство отождествления, уподобления, в котором определяемое получает существующие в этом пространстве значения. Принцип определения Декартовых координат укоренен в «S есть P», поэтому определение человека по социальным координатам П. Сорокина совпадает с Булгаковской формулой «Я есмь А» – «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». Но в таком случае не улавливается неповторимость Я, индивидуальность Я. Индивидуальность = непохожесть, отличие от другого, неделимость в себе и не делимость своими особенностями с кем-либо и т.д. В таком случае Я как индивидуальность должно определять себя через отделение от окружения, через отказ, через отрицание наличного, а не через отождествление с ним. Такое действие не может происходить в пространстве Декартовых координат, оно должно локализоваться в пространстве отрицания, а не отождествления. Такое пространство описывается Дантовыми координатами²².

²¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 299.

²² Конев В.А. Дантовы координаты (проблема определения ценностного бытия) // Конев В.А. Онтология культуры (Избранные работы). Самара, 1998. С. 65–85; Он же. Дантовы координаты как координаты культурного пространства // Топос. 2011. № 1. С. 91–106.

«Божественная комедия» Данте Алигьери – это картина жизни человеческой души, рассказ о странствиях души. Путь души через страдания и скорби земной жизни, жизни неподлинной, к очищению и обновлению, к подлинной жизни души на небесах – это путь спасения. Все созданное Богом имеет свое место, свое предназначение в мире. Место души – Эмпирей, куда она устремляется легко и свободно при условии, если она очищена от груза грехов. Поэтому способ ее поведения в «нетленной геометрии» пространства духовной жизни – *спасение*. А ради этого душа должна отказаться от... – и круги Ада показывают нам, от чего она должна отказаться. Она должна очистить себя и покаяться в... – уступы Чистилища показывают нам, в чем она должна покаяться и от чего она должна воздержаться. Даже в небесах Рая, где все равно блаженны, но все-таки и там есть иерархия небес, потому даже здесь душа должна вести себя *от* меньшего блаженства к большему. Только в самом конце:

...в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершенья всех его *усилий*.

(Рай, XXXIII, 140–142)

Принцип архитектоники «нетленной геометрии» жизни души – уйти, чтобы прийти, отказаться, чтобы получить, воздержаться, чтобы насладиться, наконец, спуститься (в Ад), чтобы подняться (в Рай, к вечному свету).

Метрика пространства жизни души задается Данте в Первой песне «Ада», где герой для того, чтобы достичь «путеводной планеты», должен избежать встречи с дикими зверями – рысью, львом, волчицей, которые олицетворяют человеческий пороки – сладострастье, гордыню, алчность. Эпизод встречи Данте с дикими зверями на склоне холма символизирует универсальную жизненную *ситуацию*, в которой человек оказывается постоянно и *выход* из которой *приводит* к его определению (обратим внимание на язык, который невольно прибегает к пространственной терминологии). Сладострастье, гордыня, алчность – это координаты, по которым определяется человек. Но это координаты особые, не те, которые находим у Декарта, где точка (тело) определяет себя в отношении к координатам, находя в них свое отражение. Это координаты отталкивания, а не отнесения, координаты преодоления, а не притяжения. Находясь в пространстве подобных нравственных, ценностных координат, человек в той мере определяет себя как нравственный человек, в какой он отталкивается от них, в какой он отрицает их значение и тем спасает *свое* лицо, себя как человека. В эпизоде у Данте это выражено буквально – человек спасается от растерзания дикими зверями. Поэтому Дантовы координаты – это координаты отрицания, которые задают апофатическое пространство. Человек обретает свою определенность (нравственную, культурную, личностную, свое Я) в поле действия апофатического пространства через отрицание и отказ. Отрицание и отказ/остановка – это такое действие, которое может совершить только сам конкретный индивид. Место человека в апофатическом пространстве – в фокусе, где сходятся значения его отрицаний. Этот фокус становится утверждением Я человека.

Логика *действия* человека в пространстве Дантовых координат предполагает три *modi operandi*:

- первый шаг – «Не это, не это, не это..., а вот ЭТО»;
- второй шаг – «Если ЭТО, так уж ЭТО»;
- третий шаг – «Теперь, когда ЭТО, то...»

На третьем шаге появляется позиция, которая утверждается как позиция действующего Я: «На том стою и не могу иначе». Человек утверждает свою (себя и мира) реальность, свое бытие, за которое он теперь несет ответственность.

Конечно, масштаб действия в Дантовых координатах может быть разный, одно дело – творение чего-то, другое дело – поиск *своего поворота, нюанса* в уже имеющемся деле. Но в любом случае Я с его индивидуальным лицом начинается с отрицания/остановки/воздержания.

Как видим, решение проблемы определения Я не может быть найдено на путях того понимания бытия Я, которое диктуется субстанциальной логикой²³, когда «есть» дано, и формулу которой «Я есмь А» С.Н. Булгаков принимает, а требует такого понимания бытия Я, когда бытие утверждается Я, становится, а не «есть». В последнем случае понимание Я самого себя и мира своего бытия нуждается в иной логике мысли и действия.

Список литературы

- Батлер Дж. Заметки о перформативной теории собраний / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ad Marginem, 2017. 248 с.
- Булгаков С.Н. Трагедия философии // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 307–603.
- Джойс Дж. Герой Стивен. Роман / Пер. с англ. С.С. Хоружего. URL: <http://www.james-joyce.ru/works/stephen-hero-text.htm#menu3> (дата обращения: 24.02.2022).
- Конеv В.А. Дантовы координаты (проблема определения ценностного бытия) // Конеv В.А. Онтология культуры (Избранные работы). Самара: Самарский университет, 1998. С. 65–85.
- Конеv В.А. Дантовы координаты как координаты культурного пространства // Топос. 2011. № 1. С. 91–106.
- Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное / Пер. с фр. И.С. Вдовиной, Б.В. Дубина. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
- Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания. Приглашение к размышлению. 2-е изд. М.: ЯСК, 2021. 448 с.
- Смирнов А.В. Событие и вещи. М.: Садра: ЯСК, 2017. 232 с.
- Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика. М.: Садра, 2019. 160 с.
- Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во политической литературы, 1992. 520 с.
- Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / Пер. с нем. Н. Кандинской; под общ. ред. Д.В. Трубочкина. М.: Play&Play; Канон+, 2015. 376 с.
- Фромм Э. Психоанализ и этика / Пер. с англ. М.: Республика, 1993. 414 с.
- Eliade M. Historia wierzeń i idei religijnych. T. I: Ot epoki kamiennej do misteriów eleuzyńskich. Warszawa: PAX, 1988. 419 s.

Reflection on one of the theses of S.N. Bulgakov, initiated by the idea of process logic

Vladimir A. Konev

Samara University. 34 Moskovskoe Sh., Samara, 443086, Russian Federation; e-mail: vakonev37@mail.ru

Building on A.V. Smirnov's distinction between substantive and process logic, the author evaluates the position of S.N. Bulgakov laid out in "The Tragedy of Philosophy".

²³ См.: Смирнов А.В. Событие и вещи. С. 23–29, 43–70.

The article shows that the judgment “I am A”, which Bulgakov considers the fundamental principle of thought and the basis for defining the Self as a hypostasis, cannot be a form of defining the Self as an individual. Individuality is not defined within the framework of substantial logic (“I am A”), but defines itself within the framework of process logic (“I affirm A”). The author considers three forms of affirmation of the Self: affirmation as performativity, affirmation as negation, and affirmation as productive action. Conclusion: the being of the Self, which requires the active action of the Self itself, is the ontological basis for the existence of process logic.

Keywords: ways of defining Self, substantive and process logic, performative act, Dante’s coordinates, productive act, S.N. Bulgakov, A.V. Smirnov

For citation: Konev, V.A. “Razмышlenie nad odnim iz tezisov S.N. Bulgakova, initsirovannoe ideei protsessual’noi logiki” [Reflection on one of the theses of S.N. Bulgakov, initiated by the idea of process logic], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 69–77. (In Russian)

References

- Bulgakov, S.N. “Tragedija filisofii” [The Tragedy of Philosophy], in: S.N. Bulgakov, *Sochine-nia* [Works], Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 307–603. (In Russian)
- Butler, J. *Zametki o performativnoj teorii sobranij* [Notes Toward a Performative Theory of Assembly], trans. by D. Kralechkin. Moscow: Ad Marginem Publ., 2017. 248 pp. (In Russian)
- Eliade, M. *Historia wierzeń i idei religijnych, T. I: Ot epoki kamiennej do misteriów eleuzyńskich*. Warszawa: PAX, 1988. 419 s. (In Polish)
- Fischer-Lichte, E. *Estetika performativnosti* [Aesthetics of Performativity], trans. by N. Kandinskaya; ed. by D.V. Trubochkin. Moscow: Play&Play Publ.; Kanon+ Publ., 2015. 376 pp. (In Russian)
- Fromm, E. *Psichoanaliz i etuka* [Psychoanalysis and Ethics]. Moscow: Respublica Publ., 1993. 414 pp. (In Russian)
- Joyce, J. *Geroj Stiven* [Stephen Hero], trans. by S.S. Khoruzhii [<http://www.james-joyce.ru/works/stephen-hero-text.htm#menu3>, accessed on 24.02.2022]. (In Russian)
- Konev, V.A. “Dantovy koordinaty (problema opredelenija cennostnogo bytija)” [Dante’s Coordinates (the Problem of Definition of Value Being)], in: V.A. Konev, *Ontologija kultury (Izbrannye raboty)* [Ontology of Culture (Selected Works)]. Samara: Samara University Publ., pp. 65–85. (In Russian)
- Konev, V.A. “Dantovy koordinaty kak koordinaty kulturnogo prostranstva” [Dante’s Coordinates as Coordinates of Cultural Space], *Topos*, 2011, No. 1, pp. 91–106. (In Russian)
- Lévinas, E. *Izbrannoje. Totalnost’ i Beskonechnoe* [Select works. Totality and Infinite], trans. by I.S. Vdovina and B.V. Dubin. Moscow; St. Petersburg: University Book Publ., 2000. 416 pp. (In Russian)
- Smirnov, A.V. *Logika smysla kak filosofija soznania. Priglasenie k razмышleniju* [The Logic of Sense as a Philosophy of Consciousness. An Invitation to Reflection], 2nd ed. Moscow: YaSK Publ., 2021. 448 pp. (In Russian)
- Smirnov, A.V. *Sobytie i veshchi* [Event and Things]. Moscow: Sadra Publ.; YaSK Publ., 2017. 232 pp. (In Russian)
- Smirnov, A.V. & Solondaev, V.K. *Processual’naja logika* [Process Logic]. Moscow: Sadra Publ., 2019. 160 pp. (In Russian)
- Sorokin, P. *Chelovek. Cyvilizacyia. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow: Political literature Publ., 1992. 520 pp. (In Russian)